

Юлия Нифонтова

МАМА, ЭТО НЕ ТА БОЛЬНИЦА!

маленькая повесть в письмах и не только

Повесть основана на реальных письмах из реального реабилитационного центра для наркозависимых

Мир раскололся: две неравных части.
Мир прежним никогда уже не будет.
ТЫ — БОльшая, моё большОе счастье,
А мЕньшая — все остальные люди...

Глава 1. Начало

Когда Катя впервые увидела Тёму, в её голове, словно всплывающее окно на мониторе возникла ясная и одновременно абсурдная фраза: «Какой молодой, а уже такой больной!» Тёма действительно был моложе Кати на целых двенадцать лет, и это стало впоследствии предметом её постоянных переживаний.

А что же касается болезни, то она не

проявлялась так наглядно, как, например, насморк — громким кашлем и красным распухшим носом. Болезнь украдкой выглядывала из его глаз, как безобразная уродица из окна, любопытствуя и одновременно опасаясь чужих взглядов. Эта убогая калека одновременно и осознавала своё безобразие и с молчаливой обидой укоряла мир в жестокости, ведь в том, что родилась она на свет одноглазой да горбатой, не было её вины...

Всмотревшись в лицо парня, Катя узнала его. Да и невозможно было не узнать ангельскую физиономию с рекламы, что более десятилетия тревожила сердца клиенток всех парикмахерских средней руки. Да, это был он — красивый мальчик-модель, чьё лицо, увидев раз — невозможно забыть. Только причёска из глянцево-холёной «волосок к волоску» превратилась в растрёпанную серую шапку, словно ощипанную злыми птицами. А в лице вместо божественной снисходительности проявилось выражение отчаянного оптимизма, свойственного всем беспризорным детям, типа: да никто меня не бросал, я тут просто гуляю...

Это был не похожий и даже не очень похожий человек, а именно — ОН! Катя сразу восстановила в памяти, как сидела в очереди на маникюр и с тоской разглядывала рекламно-глянцевого Тёму. Даже мысли свои вспомнила: «Эх, вот бы мне

такого парня! Это ж, наверное, настоящее счастье!..»

Парень был высокий, статный, ещё совсем недавно, яркий брюнет, а теперь, несмотря на молодость, наполовину седой. Светлые глаза и серебристая грива контрастировали со смуглой кожей.

В момент их первой встречи Катя и не помышляла о знакомстве, только подумала про себя, что молодой человек, который сидит напротив, отмечен какой-то особенной — болезненной красотой. Да и место для романтического знакомства было уж слишком неподходящим. Стыдно кому сказать: «А мы с *моим* в психушке познакомились...» В лучшем случае хмыкнут, а скорее всего, предпочтут никогда не общаться с подобной парочкой.

Собственно говоря, к психиатру Катя обратилась после смерти бабушки, с которой прожила всю жизнь и не представляла теперь дальнейшего своего существования. На почве терзаний и растерянности образ бабушки стал преследовать девушку наяву. Бабушка сидела рядом за столом, когда Катя завтракала перед работой. А во сне бабушка звала Катю к себе, и каждый раз внучка была согласна идти без оглядки в неведомую пропасть, хотя понимала, что эти видения ненормальны и не доведут до добра.

После посещения доктора стало ещё хуже. Таблетки, что прописал психиатр, не уменьшали душевной боли, но зато в избытке нагоняли апатию и сонную тоску. Катя словно плыла мимо жизни, выглядывая в узкую смотровую щель танка, что медленно полз через мир, не впуская внутрь звуки, запахи и события. Оглохшая, полоумная от медикаментов и гнетущего уныния, Катя всё же испытала некое внутреннее потрясение, когда в больничной очереди встретила взглядом с прозрачными голубыми русалочьими глазами рекламного юноши.

Очередь к врачу состояла из пяти человек: как отметила Катя — двое вменяемых (конечно, она плюс красивый парень) и три капитальных психа. Троица «конченных» состояла из ветхого агрессивного правдоискателя сталинского образца и двух «леди». Одна из них — старушка явно из учительниц, которых никакими путями невозможно сбавить на заслуженный отдых. Кстати, она плюс дед составили бы идеальный тандем пробивных стариканов — грозу чиновников всех рангов и коммунальных контор.

Третья фигура — не имела чётко выраженной половой принадлежности. Хотя, судя по обкусанному чёрному маникюру, предположительно это была особа прекрасного пола. Однако прекрасной эту особь можно было

назвать, только с большой долей альтруизма и бескрайнего человеколюбия. Фигурой существо напоминало сучковатое деревце, но джинсовое облачение, не по размеру большое, смягчало острые углы. Блѣклый трансгендер тоскливо медитировал на дверной косяк. Длинное бледное лицо время от времени искажали резкие гримасы боли.

Пенсионеры занимали более активную жизненную позицию. Старушка энергично рылась в своём винтажном ридикюле, а дедок периодически тѣр носовым платком стѣкла очков столь интенсивно, как будто намеревался протереть их до дыр. То совместно, то попеременно парочка циклично фонтанировала гневными тирадами в адрес правительства, медицины, молодого поколения, плохого качества дорог и много ещё чего.

Словно оказавшись во вражеском кольце, Катя и красивый молодой (но седой) человек кинулись друг к другу, обратившись одновременно с нелепыми фразами, о смысле которых теперь никто уже никогда и не вспомнит. Например, что-то вроде таких: «Вы последний в очереди? А вы давно у этого врача наблюдаетесь? Долго ждёте? Вам таблетки помогают?» или что-то в этом духе. Стали вдруг много и сбивчиво говорить, будто давние товарищи после долгой разлуки, перебивали и засыпали друг друга вопросами. Вообще, им обоим

стало понятно, что с этой секунды они связаны и больше никогда не расстанутся...

Как само собой разумеющееся, Тёма дождался Катю после приёма, и наконец-то оба испытали подлинное облегчение психического недуга. Как же порой бывают полезны и эффективны посещения душевно спасательных клиник! Провожая новую знакомую домой, Тёма очень обрадовался тому счастливому обстоятельству, что живут они, оказывается, в одном дворе, хотя никогда раньше не встречались.

— Скоро увидимся, не успеешь соскучиться, — пообещал Тёма, — воон мой подъезд на твой смотрит!

Слово сдержал, прибежал в гости этим же вечером. И они снова говорили-говорили-говорили... и стали вместе жить...

Глава 2. Мятежное счастье

Значит, бывает любовь до смерти,
Словно душа в первый раз разделась,
И милосердствует, и многотерпит,
И всепрощает, на всё надеясь...

Вечерами они любили лежать на диване, тесно прижавшись, и смотреть волшебные сказки по ДиВиДи. Это стало для Кати настоящим блаженством, потому что Тёмкино тело источало манящий аромат, в жару оно было приятно прохладным, а в холод согревало родным теплом.

Теперь с лёгкой руки любимого, звали её не банально-паспортно как раньше, а ласково-смешно: Котя, Катёнка или Катёночка. Поначалу девушку посещали тревожные мысли: а вдруг Тёма маньячный шизоид, и однажды она проснётся ночью связанной по рукам и ногам с ножом у горла. Уж слишком всё хорошо, даже подозрительно хорошо. Тёма словно вцепился в неё, боясь случайной интонацией нарушить семейную идиллию. Он провожал Катю на работу, звонил ей, подбадривал SMS-ками в течение рабочего дня, не расставался с гитарой и удивлял виртуозной игрой, по вечерам встречал приготовленным ужином с «ведром чистого позитива» на десерт.

После встречи с Катей он резко прекратил визиты к врачу. А свой душевный недуг диагностировал как «плавающую зависимость», то, мол, водку пью, то антидепрессанты горстями глотаю, то в музыку — с головой, то в социальных сетях зависаю, в «Контру»¹ режусь в инете или

¹ комп. игра Conter Strike.

брожу неделями по инернет-мирам «Morrowind»...

Бабушка к Кате теперь почти не приходила, лишь однажды во сне, она, скорбно покачивая головой, с горечью в слабом голосе то ли посетовала, то ли спросила:

— Что ж ты связалась с таким младенцем...

— Да, бабуля, зачем ты так говоришь? Посмотри, какой он большой и сильный!

— Ой, неет... Это ты ниччо не видишь. Он дитё совсем! Маленький! Маленький...

Вот она — здоровая психика здорового психа!
Дмитрий ЕМЕЦ «У входа нет выхода»

Безмятежное счастье продлилось две недели... потом тоже было счастье, только уже мятежное, но особенно упоительное после горьких провалов... Период ремиссии закончился и Тёма вернулся к своему привычному образу жизни, не мыслимому без наркотических препаратов, которые он покупал в обыкновенных аптеках.

Поначалу Катя не связывала резкие перепады в настроении друга с невесть откуда взявшимися в большом количестве металлическими крышечками

от лекарства «G:(ucotin)². Пока в один из дней, придя домой с работы, не застала Тёму в платяном шкафу, обезумевшим от страха.

Катя работала на местном телевидении и обычно возвращалась с работы вовремя, как тривиальный офисный служака. Но в тот раз ей пришлось срочно заменять внезапно забухавшего редактора бегущей строки. А так как все утренние новостные программы пишутся поздно вечером, то она вернулась на служебном автобусе только в одиннадцатом часу.

Сначала Катя подумала, что Тёма ненадолго ушёл к маме сменить одежду, поэтому, услышав в шкафу подозрительные шорохи, страшно испугалась, заподозрив там отважного мышонка, пробравшегося в апартаменты, несмотря на присутствие в доме охотничьей кошки Масыни.

Вооружившись фонариком и мышцеистребительным оружием — непосредственно Масыней, Катя двинулась на штурм шкафа. Открыв скрипучую дверцу, она обомлела, встретившись взглядом с полными ужаса и слёз глазами любимого. Тёму колотило, он сжался в тугой комок, боясь пошевелиться, и ни за что не хотел

² «G:(ucotin) — название препарата изменено, в целях безопасности здоровья читателей, прим. автора.

покидать нафталинового укрытия.

Катя не знала что предпринять. Вызвать скорую — упекут в дурдом, сообщить его вымотанной, худой до состояния узницы Освенцима маме Зоиванне — но та уже наверняка легла спать и, кроме сердечного приступа, ничем существенно ситуацию не изменит.

Дрожа всем телом, Катя позвонила Дэну, приятелю Тёмы, что изредка к ним заглядывал. Как у всех сисадминов³, безвылазно проживающих в виртуальном мире, период его активности приходился на время близ полуночи.

Дэн примчался на удивление быстро, словно всё это время ждал в соседнем подъезде, когда же его, наконец, позовут. Он напоминал колючего подростка, не нашедшего общих тем с окружающим социумом. Основные детали экипировки: тёмные очки даже ночью, вечно скрывающий глаза инквизиторский капюшон и наушники.

Звуки же, что пробивались из его «ушей», навевали мысль об искрящем сварочном аппарате, прохудившемся жестяном рукомоёмнике, роняющем свою каплю непосредственно в висок, и наконец, о несчастной замученной кошке, истязаемой

³ системный администратор.

безжалостными вандалами. Несмотря на невообразимый вой и скрежет, занимающий его слух, Дэн с видом эксперта меланхолично констатировал диагноз:

— Глюкотин — заменитель кодеина, составной части герыча⁴ ... А это банальный миксованный глюкотиновый трип.

— И что делать-то теперь, Дэн????!! — Уже не пряча истерику, зарыдала Катя.

— Это, смотря с чем он миксовал... если с мускатом, то нужно его красным вином отпаивать... хотя нет — мускат такого жесткача не даёт... чего-то другого нажрался... посмотри, дома все вещи на месте?... — Дэн говорил медленно, словно разжёвывая каждое слово, внимательно разглядывая товарища, пребывающего в глубоком шоке среди платьев и брюк.

— Дэн, ну не тормози, умоляю! Говори что делать?

— А ничего тут не сделаешь — тока ждать. Фиг-знает, когда его отпустит. Можно, конечно, ему валерьянки влить и спать уложить. Тока как его из норы выкурить? Еслив тока ещё одним пузырьём глюкотина выманить...

— Ты издеваешься? Хочешь, что б он кони

⁴ Герыча (жарг.) — героина.

двинул от передоза, идиот!

— Ну и пусть себе сидит, он те мешает чо ли? Безобидный обдолбанный торчок. Ты глянь, говорю, чего он из дома вынес, что б так конкретно загнаться?

— Кольца нет. Всегда здесь на зеркале лежало...

— Ага, ну ты даёшь, подруга. Ты б ему ещё в карман его положила — на сохранение! А какое кольцо-то, золотое?

— Да.

— Ну, тогда по всему — его надолго прибило...

Глава 3. Оранжевый сад

Я раскрашу целый свет
В самый свой любимый цвет

«Оранжевая песня»

сл. А. Арканов, муз. К. Певзнер

Всё вокруг было чудесного оранжевого цвета: ковёр мягких трав, пышные кроны, стволы, мясистые листья. Даже небо — ярко оранжевое. И вовсе не удивительно, что на деревьях одновременно соседствовали пушистые соцветия и

разнообразные плоды. Груши, яблоки, бананы, лимоны, и, конечно, апельсины... И всё оранжевое, как в старой детской песенке!

А, главное, повсюду мягкая золотистая дымка и бодрящий цитрусовый запах. Солнечные лучи, как длинные музыкальные пальцы, ласково ощупывали и поглаживали растения и плоды. Утренняя прохлада зарождающегося тёплого воскресного дня. Тихая радость и умиротворение царили в ароматном воздухе. Лишь неизвестные науке птицы тормозили пространство, перелетая с ветки на ветку, сверкая золотисто-рыжим оперением. Где-то тихо наигрывала нежная свирель...

«Нифигассе! Оранжевый сад! Это точно не у нас, а, наверное, где-нибудь в Новой Зеландии или на Гавайях? Потом нужно будет обязательно в фото-шопе такую картинку замастрячить, чтоб навсегда запомнить инопланетную красоту» — Тёма брёл по прекрасному саду, его сердце переполнял восторг, только маленькая досада шевелилась в глубинах сознания, — где же Катя:

— Катёнка! — Позвал он. И стал искать глазами знакомый силуэт. Но в оранжевом отделе Эдема, нынче не было людей, кроме него. «Странно, — подумал Тёма, — здесь просто невероятно, но ни в каких Зеландиях не может быть такой заповедной красоты! И если в этом саду

есть всё, что я так люблю, то уж Катёнка обязательно должна быть здесь. Наверняка, прячется где-то...»

Тёма стал искать любимую, бегая от дерева к дереву, взбивая клубы густого тумана в кудели, которые изворачивались в рассеянном воздухе, словно призраки гигантских драконов.

Кати нигде не было, и ему стало скучно одному в райском саду, где всегда выходной и всегда раннее утро... но нет самого главного...

Эту страшную ночь Катя провела рядом с Тёмой, постелив себе на полу у шкафа. С той ночи, когда она лежала, свернувшись калачиком на тонком матрасе, в её сердце поселилась вечная неистребимая собачья тоска, словно всем существом преданная псина видит медленное умирание хозяина и ничем не может помочь. Новая невозможная боль, к утру вылилась слезами, затем плач перешёл в вой.

Перед самым рассветом Катя увидела множество странных быстротечных снов, но один из них основательно впечатался в память.

Сон Кати № 1

Снилось Кате, что ей невероятно повезло — из второго помощника режиссера её повысили по

службе и доверили вести развлекательное вечернее ток-шоу. Камеры, свет, «поехали!» — всё, как положено.

Но вдруг посреди прямого эфира зрители стали повально покидать зал. Первые из «беженцев» уходили стыдливо, перебежками, словно побеждённые в драке кобели — униженные, подавленные чужой грубой силой. Но чем дольше тянулась программа, тем более массовым становился исход, к публике с трибун вскоре присоединились эксперты и даже героини передачи.

Армия бегунов всё более вызывающе выражала своё право на свободу. Студия стремительно пустела.

Тотальный побег закончился закономерной и неотвратимой точкой — Катя осталась одна. Даже операторы и осветители ушли, замолчал в наушнике надоедливый суфлёр, но остались пристальные включенные камеры, что все как один нацелили свои чёрные дула на ведущую ток-шоу, где уже не с кем было вести разговор.

Сначала Катя растерялась и не знала, что делать, но потом она стала как самолёт с автопилотом внутри, руководствуясь только тем, что первое взбрёт в голову — задавать вопросы пустому залу и сама же на них отвечать, изображая всех героев жаркого спора.

Тема программы была, конечно же, про

наркоманию, про несчастных подростков и об ужасающих последствиях их страшного недуга. Катя вынуждена была заменять оппонентов данного спора, выдвигая диаметрально противоположные аргументы:

— Да надо взять их всех скопом, этих подонков — да расстрелять, как в Китае!!! — орала она, фонтанируя слюной «а-ля Жириновский».

— Дг узя мои, дг узя, наг коман**И** я и токскоман**И** я — это коваг ная болезнь, тг ебующая длительной интенсивной тег апии, — лепетала словно доктор чеховского вида. Если бы Катя не была единственным исполнителем всех партий, то предыдущий оратор, несомненно бы, затмил бедолагу громогласными парадоксальными лозунгами.

Катя играла перед включенными камерами все роли, понимая, что её отчаянное лицедейство не спасёт заведомо провальную ситуацию. И неизвестно, сколь долго бы ещё длился сей «театр одного актёра», но вдруг она увидела, как в полу посреди студии образовалась маленькая норка.

Чёрная дыра стремительно расползлась во все стороны, и вот уже в бездонную зияющую пасть полетели пустые зрительские кресла первого ряда, за ними второго, третьего... они, словно бегущие с тонущего корабля крысы дружным строем бесстрашно кидались в пучину.

Всё оборудование с тоскливым скрежетом последовало за сидениями. Как поток искусственного водопада, стекали в бездну расплавленным воском стены.

Пропасть подобралась к самым Катиным ногам, пол предательски растаял, и она полетела вниз вместе с камерами, софитами и микрофонами — в беспроглядную мглу, за пределы добра и зла...

Тёма спал на постеленном Катей матрасе почти два дня. Приходя с работы, Катя ложилась рядом, обнимая любимого, глядя бесчувственные плечи, и плакала, уткнувшись в родную спину. Когда он очнулся, Катя помогла подняться и отпаивала крепким чаем. Осознав содеянное, и то, что его самая большая тайна раскрылась сама собой — обнажившись так неприглядно, Тёма впал в угрюмое безразличие. Пряча глаза, он засобирался домой непривычно суетливо, как нашкодивший щенок. Девушке было жаль кольца, но Тёму ей было жаль ещё больше. Она вспомнила его незащитное тело, полуоткрытый рот и закатившиеся глаза во время пребывания в анабиозе — и сердце сжалось от боли.

— Тёма, не уходи никуда. Я знаю, ты взял кольцо. Дома тебе будет ещё хуже, ведь ты всегда говорил, что не можешь находиться рядом с мамой больше пяти минут, что она типа назит и всё

такое... Остаётся.

Тёма ничего не ответил, ушёл в комнату, лёг на диван, накрывшись пледом с головой, и долго не подавал признаков жизни. Через пару часов Катя не выдержала и, присев на край дивана, стала робко гладить Тёмкину спину через плед. Он резко повернулся и прижался всем телом, обнял её так, как маленький ребёнок отчаянно прижимает к себе любимую плюшевую игрушку, когда не на кого уже больше надеяться. Они лежали так долго-долго.

Катя взъерошила жёсткие густые Тёмкины волосы, обцеловала лицо, сделав его мокрым от своих слёз. Тёма же повторял, как заведённый:

— Прости, Котя. Котя, прости...

Котя простила. Но не прошло и недели, как из дома вдруг исчез старенький телевизор. Дверца письменного стола, что запиралась на ключ, была безжалостно взломана и оттуда пропали последние деньги, отложенные на оплату квартиры. Затем куда-то делся потёртый от старости, телефонный аппарат. Обнищание коснулось даже кошки Масяни, она теперь сама искала себе пропитание, охотясь во дворе, а вместо дорогого наполнителя в лотке воняли ненавистные газетные обрывки.

После каждого «помрачения» Тёмка искренне раскаивался, стараясь загладить вину. Он пёк пироги, превращая самую дешёвую рыбу в

изысканный деликатес, готовил борщ на бульонных кубиках — пальчики оближешь! Ходил на рынок, выискивая, где подешевле и торгуясь за каждый рубль. Непременно сбивая цену, радовался как ребёнок, своей полезности на данный момент. Он истово убирал квартиру, ремонтировал старые вещи, электроприборы, сантехнику. С радостью помогал соседям, изо всех сил стараясь быть хорошим...

У парня были «золотые» руки — он мог починить всё! Но во время очередного «приступа» наносил дому бо́льший ущерб, чем успевал отладить в период коротких ремиссий.

Тёмка неоднократно предпринимал попытки устроиться на работу. Сначала это были многочисленные магазины, которые брали на «испытательный срок», нещадно эксплуатируя с семи утра до десяти вечера, стараясь выжать из несчастного все жизненные силы. Когда же осатаневший и оперившийся новичок через пару-тройку недель рабства начинал роптать и настойчиво намекать, что неплохо было бы все-таки, в конце концов, заключить Договор или пытался получить какие-либо сведения о зарплате, его тут же увольняли с неизменным приговором: «Вы нам не подходите!»

Ежели надоеда продолжал гундеть, что, мол, за работу полагается платить — то строгая

менеджерская бровь грозно и удивлённо взлетала вверх, требуя письменных оснований для столь наглого и разорительного для торговой точки акта. Тебя дурака уму-разуму учили, это ты нам ещё должен за обучение, а не нравится — то можем и неустойку припаять — вона сколько товара невесть куда пропало! И всё в твою смену, между прочим!

В лучшем случае — лузеру предложат поработать, и подождать когда вернётся из длительной межгалактической командировки наиглавнейший менеджер, и тогда с его высочайшего разрешения, и Договор составят, и деньги непременно выплатят. Правда, сколько бы ни работал доверчивый недотёпа, но кого-то мифического и наиглавнейшего, так никому дождаться и не удавалось.

Катя пробовала устраивать любимого к себе на телецентр. С трепетом опекала его, всему старалась научить. Но и там он долго не задержался. Хоть всегда гордился и при случае с жаром рассказывал, что работал на телевидении.

Надо отдать должное, крепился он, сколько хватило сил — целых три с половиной месяца, но всё равно скатился в забвенье. И тогда ответственной стороне — Катерине — пришлось работать за себя и за того парня. От такой жёсткой нагрузки девушка заболела: понизилось давление, чувствовала полный упадок сил. Как только Тёма

вышел из штопора, ему пришлось скоропостижно уволиться, чтобы не позорить возлюбленную.

— Да ничё-ничё, я фотожабером поднатаскался. На жизнь по-любому заработаю... легко! — наивно успокаивал любимую растерянный Тёма, в глубине души подозревая, что его искромётные фотожабы хоть имеют большой успех на просторах интернета, но платить за них никто не собирается (так — чисто поржать).

Очевидным фактом вырисовывалось то, что выгоднее и спокойнее сидеть дома, не тратя денег на проезд, — хоть одежду почём зря не шоркать в автобусной толчее — пришла Катя к безрадостному выводу. По большому счёту их обоих устраивала такая ситуация: Катя — зарабатывает деньги, Тёма — на хозяйстве. И если бы не всеразрушительная Тёмина зависимость, они могли бы быть абсолютно счастливы...

Иногда у Кати кончалось терпение, и она начинала истерить. Но все истерики лишь провоцировали новые Тёмины приступы, видимо являясь подходящим оправданием для его пристрастия.

После таких провалов, Тёма с яростным рвением, словно пытаясь загладить свою вину, принимался истово лечиться, искать любую работу:

— Да я найду себе приличную зарплату — легко!

Но и карьера ученика наладчика на заводе и грузчика в супермаркете потерпели быстрый крах. Не помогал даже диплом о высшем образовании.

Однажды Тёме повезло — его взяли охранником, и он даже продержался там несколько месяцев. Очень радовался и ревностно исполнял свои обязанности. Но после прогула, когда Тёма плакал, но не мог оторвать голову от подушки — его моментально турнули, отобрав форму — много, мол, вас таких. Тёме было ужасно стыдно признаться в случившемся, и он ещё долго делал вид, что ходит на работу, ночуя у мамы.

Обман открылся самым постыдным образом, когда однажды Катя нажарила чебуреков и заявила на Тёмину «работу» с кастрюлькой, завёрнутой в махровое полотенце. Узнав, что милый больше недели не работает в данном учреждении, Катя расплакалась, прям на глазах у его бывших коллег. Но дома она не кричала, не устроила скандал, у неё больше не было сил для этого. Просто сказала, что Тёма больше может не притворяться...

Глава 4. Злые чары

— Ты не видел мои маленькие голубенькие таблетки? Не могу найти.

— Да у нас тут проблемы покруче — на кухне

дракон!!!

Катя жила без «суженого» уже неделю. Когда дома не стало даже хлеба, Тёма принёс от мамы картошки, макарон, крупы, квашеной капусты, а сам ушёл переживать трудные времена в отчий дом. Мама Зоиванна тут же возобновила террор со слезами и упрёками в сыновней никчёмности. А непутёвый сын, в свою очередь ударился в длительный запой с «ещё чем-то».

Когда он был в силах разговаривать, то названивал Кате по телефону и вёл бесконечную беседу о том, как сильно он её любит, какой он несчастный конченный человек.

Иногда он звонил по ночам и проигрывал Кате новые страстные мелодии или грустные, разрывающие сердце песни, которыми его щедро в такие тяжкие периоды одаривало болезненное вдохновение. Многие из таких шедевров канули в безвестность — растворились в горнем всеобщем информационном поле — ушли туда, откуда и упали в опалённое сознание. Некоторые музыкальные кусочки Тёма успевал записывать на комп. Но прослушивая их впоследствии, оставался недоволен, и безжалостно удалял шедевры, которые при должной доработке могли бы обогатить мировое музыкальное наследие.

Катя металась, тосковала и вспоминала

любимого: тёмные крапинки детских веснушек на носу, сильные красивые плечи и по-женски маленькие волосы на руках, ресницы длинные, будто специально закрученные, и среди чёрных — одна седая ресничка... И плакала-плакала-плакала, видимо сознавая, что выхода нет, а долгожданного счастья никогда не случится...

Утром, уходя на работу, мама закрывала Тёму на ключ. Не потому что решила устроить сыну домашний арест, а по его же просьбе. Давно потеряв самоконтроль, он боялся сам себя.

Но промаявшись до вечера и отлежав бока на диване, Тёма едва мог дождаться, когда под разными предлогами выберется на улицу. Тогда любые средства замутить сознание шли в ход. Иногда удавалось толкнуть таксистам за смешные деньги, вынесенные из дома вещи либо скооперироваться с Дэном. Когда было совсем худо, друзья бродили по городским фонтанам и пляжу, собирая мелочь на пузырьёк с отвратительной красной жидкостью антисептика, которой обеззараживают открытые раны.

Можно было добраться до «Ямы» — цыганско-криминального района, где за дозу поступить в рабство к барыгам. Но тогда назад пути уже нет. Опасаясь жалкой доли, Тёма твёрдо решил перейти на алкоголь и удачно выкрал из соседнего продуктового магазина бутылку водки — это было